

Гуманитарное знание и идеальные конструкции

Гутнер Г.Б.

Аннотация: Понятие идеального конструирования, рассматриваемое обычно в связи с естествознанием, применяется к гуманитарным наукам. Идеальное конструирование описано как применение теоретической схемы для установления логических связей между идеальными объектами. Главная цель такого конструирования состоит в прояснении жизненного мира. Однако применение идеальных конструкций к жизненному миру может приводить и к его трансформациям. Идеальная конструкция, трансформирующая жизненный мир, вместо того, чтобы прояснять его, является идеологией.

Ключевые слова: идеальное конструирование, гуманитарные науки, теоретическая схема, жизненный мир, идеология.

Введение

Создание идеальных конструкций составляет существенную часть естественнонаучных исследований. Эта практика уже не раз становилась предметом философского анализа. В этих вводных замечаниях нам нужно кратко описать, что представляет собой идеальное конструирование в естествознании, поскольку это потребуется нам для нашего исследования.

Отметим, прежде всего, методологический аспект изучаемой практики. Он, на наш взгляд, весьма точно отражен в понятии о генетически-конструктивном методе, описанном в работах В. Смирнова и В. Степина. Согласно этим описаниям в основе теории лежит *фундаментальная теоретическая схема*, которая устанавливает связь между исходными понятиями теории («фундаментальными абстрактными объектами» [4, с. 108]). Эта схема фиксируется в основных постулатах теории, которые можно рассматривать как исходные правила конструирования. Затем, введением уточняющих условий, конструируются новые объекты, устанавливаются связи между ними [4, с. 127]. Заметим, что такое развертывание теории не связано непосредственно с опытом. Этот метод создания понятийных структур науки прослеживается на многочисленных примерах (например, геометрия Евклида, механика Ньютона, теория электромагнитных взаимодействий Максвелла).

Каков эпистемологический статус идеальных конструкций? Заметим, что в естествознании они не претендуют на самостоятельную ценность, а рассматриваются как идеализированные образы реальности. Последняя существует для нас в

многообразном опыте, в наблюдениях и в жизненных практиках. Это многообразие, возникающее отчасти из повседневного опыта, отчасти из научных наблюдений и экспериментов, отчасти из практических приложений научных результатов, весьма аморфно и трудно для понимания. Многообразие опыта, выражаясь словами Декарта, является «темным и спутанным». Насущная задача человеческого ума состоит в том, чтобы сделать его «ясным и отчетливым», т.е. понятным, прозрачным для сознания. Именно для этого и создаются идеальные конструкции. Теоретическая схема представляет собой своего рода форму, упорядочивающую неопределенную материю опыта. Однако получить эту форму мы можем, также отталкиваясь от опыта, путем обобщений и идеализаций исходного материала. Получается, что основания для наших идеализаций случайны. Исходный материал, на котором основываются идеализации, конечен, он ограничен тем, что субъекту этого опыта довелось наблюдать в ходе его ограниченных жизненных и научных практик. Тем не менее, теоретическая схема и созданные на ее основе идеальные конструкции должны иметь неограниченно широкое применение. Они должны описывать любой возможный феномен данного региона. Например, механика Ньютона, возникшая из наблюдений за объектами, которые оказались в поле зрения наблюдателей в определенную историческую эпоху, должна описывать движения и взаимодействия любых тел в пространстве. Сказанное означает, что идеальная конструкция в естествознании всегда пребывает под угрозой опровержения. Экстраполяция прошлого опыта на новые наблюдения может оказаться неудачной. Это значит, что идеальные конструкции естествознания следует считать гипотезами. Понимание реальности, достигнутое с их помощью, может быть относительно ясным и отчетливым, но не может быть признано окончательным.¹

Из сказанного следует, что генетически-конструктивный метод в естествознании сосуществует с гипотетико-дедуктивным. Идеальное конструирование может разворачиваться весьма широко, порождая целую систему идеальных объектов. Однако оно всегда подразумевает два действия: выдвижение гипотез на основе наличного опыта и проверка гипотез с помощью нового опыта. Идеальная конструкция рождается из первоначальных гипотетических идеализаций и должна иметь проверяемые следствия.

Далее мы попытаемся выяснить, в какой мере понятие идеального конструирования применимо к гуманитарной науке. Впрочем, само понятие «гуманитарная наука» охватывает весьма широкую и неопределенную сферу. В нее

должно попасть все, что не является природой и, так или иначе, описывает человеческую деятельность. Поэтому и характер идеальных конструкций весьма разнообразен. Современные социальные науки иногда почти неотличимы от естественных. Они основываются на обобщениях обильного эмпирического материала, строят математические модели, открывают общие законы, делают прогнозы. То же можно отнести к экономическим теориям и, отчасти, к лингвистике. С другой стороны, существует позитивное историческое познание, стремящееся «просто» описывать единичные факты, имевшие место в прошлом. Если в первом случае идеальные конструкции создаются совершенно осознанно, то во втором можно вообще усомниться в их использовании. Наше исследование будет тяготеть преимущественно к историческим наукам, хотя, надеюсь, выводы можно будет распространить и на другие области.

Пример Макса Вебера. Идеал идеального конструирования

Мы начнем с рассмотрения социально-исторического исследования, в котором идеальное конструирование использовано совершенно осознанно, а потому легко распознается. Я имею в виду работы Макса Вебера, в частности, его классический труд «Протестантская этика и дух капитализма».[1] Напомню общую канву этого исследования. Автор для начала приводит факт, установленный с помощью статистики, что в экономике современной ему Европы наиболее активной и продуктивно действующей группой являются люди, принадлежащие к протестантским исповеданиям. Все последующее исследование можно рассматривать как объяснение этого факта, хотя, как мы попробуем показать, значение его оказывается гораздо шире. Далее Вебер работает не со статистикой, а с текстами протестантских авторов 16-18 веков. Из этих текстов он последовательно извлекает ряд понятий: «дух капитализма», «призвание», «предопределение к спасению», «избранничество», «мирская аскеза», «трудовая этика». Нам нет необходимости раскрывать содержание этих понятий. Достаточно лишь заметить, что каждое из них достаточно точно определено и может быть идентифицировано как в текстах, так и в поведении. Работа Вебера, однако, заключается не только в их определении, но, преимущественно в том, что он устанавливает логическую связь этих понятий и показывает, как разработанная в реформатской теологии доктрина предопределения рождает особую установку сознания, определяемая как «дух капитализма». Можно сказать, что имеет место дедукция последнего из первого. Результат, однако, не сводится к названной дедукции.

Взаимная связь понятий позволяет описать особый тип человека, который, будучи инспирирован мыслью о своем избранничестве (предопределении к спасению) развивает специфическую экономическую активность, рационально организованную и максимально эффективную. Важно, что связь введенных понятий существует не только в работе исследователя. Подразумевается, что она существует в сознании описываемого человека. Понятно, что это не конкретный человек, а «идеальный тип», т.е. идеальная конструкция. Исключительно важно, что для создания этой конструкции требуется одно существенное допущение: предполагается, что человек, о котором идет речь, ясно сознает свои цели и рационально подбирает средства для их достижения. Если речь идет об экономически активном протестанте, то его цель определена доктриной предопределения и избрания к спасению. Ему нужно – и это жизненно важный вопрос – удостовериться в своей избранности, т.е. в своем грядущем спасении. Единственная возможность для такого удостоверения, обнаружить в себе способность вести благочестивую жизнь, достойную избранного, т.е. жизнь, наполненную строгой мирской аскезой, воздержанием, рационально организованным трудом. Отсюда и все добродетели, необходимые для организации капиталистического производства или для упорного и производительного труда.

Для нас здесь важно, что логическая связь понятий достигается Вебером, благодаря использованию общей схемы: схемы целерационального действия. Ее мы, собственно, только что описали. Именно она и позволила произвести упомянутую нами дедукцию понятия «дух капитализма». Таким образом, в методологии Вебера просматриваются черты генетически-конструктивного метода, который мы описали в самом начале. Понятие о рационально действующем индивиде играет роль теоретической схемы. Эта схема применяется к специфическим для протестантизма 16-18 веков историческим условиям. В результате возникает логическая конструкция, идеальный тип человека, поглощенного мыслью о спасении и занятого развитием капиталистического производства.

Сейчас мы можем сказать, что веберовская идеальная конструкция имеет более глубокий смысл, чем объяснение нескольких эмпирических фактов. Она, подобно естественнонаучным идеальным конструкциям представляет собой упрощение того неопределенного многообразия, которое исследователь социальной реальности наблюдает как в прошлом, так и в настоящем. Упрощение при этом производится не ради одного лишь достижения простоты, но ради понимания. Реальность, представленная через систему идеальных представлений и сконструированная

сообразно теоретической схеме, становится понятной. При этом нужно иметь в виду, что и сама теоретическая схема, и идеализации, которые она связывает, являются гипотезами. Они возникают в результате рассмотрения ряда частных случаев, однако наделяются общим смыслом. Возможны иные способы понять те исходные факты, которые послужили отправной точкой для идеализаций.

Работы Вебера дают богатый материал для рассмотрения конструктивных процедур в социальных и исторических исследованиях. Возможен упрек, что этот пример искусственно подобран. Я полагаю, однако, что здесь мы имеем дело не со специально подобранным примером, а с идеальным выражением методологии гуманитарных наук. Рискну сказать, что сам Вебер представляет собой идеальный тип историка и/или социолога. Во всяком случае, если речь идет об историческом исследовании, его подход занимает своего рода среднее положение между двумя другими. Ниже мы кратко рассмотрим их.

Универсальное обобщение в истории как идеальная конструкция

Один из них предполагает сведение всей истории к предельно общим схемам, объясняющим решительно все происшедшее. Другой, напротив, состоит в скрупулезной реконструкции исторических фактов, попыткой выяснить «что было на самом деле» и, по возможности, избегать всяких обобщений. К первому из названных типов исследования можно отнести теорию формаций Маркса, теорию культур Шпенглера, теорию пассионарности Гумилева. Здесь мы легко обнаружим все признаки идеального конструирования. Прежде всего, задается теоретическая схема, связывающая идеальные объекты. Затем эта теоретическая схема применяется к определенным историческим событиям, которые выстраиваются строго в соответствии с теоретически заданной логикой. Эти события, будучи, таким образом, встроены в идеальную конструкцию, оказываются прозрачны для сознания, социальная и историческая реальность становится понятной, благодаря заданной теоретической схеме. Задача упрощения и понимания, как мы видим, решается и в рамках этого подхода. Заметим, впрочем, одну интересную особенность таких исторических реконструкций: их авторы и сторонники, как правило, отказываются учитывать гипотетический характер своих схем. Это обстоятельство будет важно иметь в виду при рассмотрении идеологии, о которой речь пойдет позже. Сейчас же отметим, что и такие идеализации создаются, прежде всего, для понимания. Они также оформляют

многообразный исторический материал и позволяют создать «ясное и отчетливое» представление.

Идеальное конструирование в «позитивном» историческом исследовании

Значительно сложнее обнаружить идеальное конструирование во втором из замеченных нами типов исследования. Они, на первый взгляд, имеют дело не с идеальными объектами. Предмет такого исследования уникален и не может быть получен путем абстракции. Речь в нем идет о конкретных исторических лицах и их действиях, об уникальных исторических событиях, об институтах и социальных группах, существовавших в определенное время и в определенном месте. Тем не менее, необходимо отметить три обстоятельства, определяющих, как я полагаю, существо исторического исследования. Во-первых, наряду с уникальными предметами в таком исследовании неизменно присутствуют и предметы идеальные. Такие термины как аристократия, монархия, революция, реформа вполне естественны для словаря историка. Но они указывают на некие идеальные объекты, а не на уникальные исторические феномены. Более того, историк опирается на определенные логические структуры, созданные связями между такими идеальными объектами. Например, можно говорить об отношениях между аристократией и абсолютной монархией или буржуазной моралью и институтом частной собственности как некой общей структуре, так или иначе присутствующей в разных странах. Во-вторых, те единичные феномены, которые рассматриваются в историческом исследовании, также превращаются в идеальные представления. Историк имеет дело не с физическими индивидами, а с понятиями о них. Уникальные явления предстают в историческом исследовании посредством описаний, включающих существенные (для этого исследования) признаки, связи с другими явлениями (также представленными своими описаниями), внутренние связи, превращающими сложный феномен в нечто целое. Иными словами, и события, и институты, и классы, и даже исторические личности, коль скоро речь идет об их научном исследовании, суть идеальные конструкции, создаваемые историком. В-третьих, наконец, историк не просто описывает уникальные исторические феномены, но пытается установить между ними логические связи. Прошлое должно предстать в виде структурированного целого, иначе говоря, оно должно быть понято. Здесь мы снова возвращаемся к самому замыслу идеального конструирования: оно осуществляется ради понимания реальности, на этот раз исторической. Исследуемый фрагмент прошлого понят постольку, поскольку воспроизведен в своих логических

взаимосвязях, т.е. представлен в виде идеальной конструкции. Конечно, эта идеальная конструкция не столь проста, как в тех случаях, которые мы обсудили ранее. Прежде всего, как мы только что видели, не столь заметен идеальный характер описываемых феноменов. Трудно назвать Колумба, Наполеона или взятие Бастилии идеальными объектами, хотя именно в этом качестве они и существуют в историческом исследовании. Но есть и другой фактор, отличающий этот тип исследования от прочих. В нем отсутствует явная теоретическая схема. Историк, как правило, не вводит никаких конструктивных постулатов, устанавливающих связь идеальных объектов. Это, однако, не значит, что их нет вовсе. Если бы в работе историка отсутствовали аналоги теоретических схем, не было бы и понимания исторической реальности. Ведь именно эти схемы позволяют установить логическую связь понятий. Скорее они либо подразумеваются, но не проговариваются, либо даже не признаются, а используются как нечто привычное. Кроме того, историк редко стремится к теоретической строгости. Она, как правило, несовместима с многообразием исторического материала. Это значит, что в историческом исследовании используется не одна, а несколько схем, которые могут быть вполне равноправны, а их связь не прописывается строго. Поэтому историческое исследование не подразумевает логической дедукции из заданных постулатов по точно установленным правилам. Схемы, могут возникать как из анализа материала, так и из собственного, в том числе, повседневного опыта историка. Приведем три примера таких схем. Во-первых, почти в любом историческом исследовании используется понятие о каузальной связи событий. Это понятие во многом близко к естественнонаучному представлению о каузальности, и его использование часто даже опирается на знание природных причинно-следственных закономерностей. Например: примитивные методы обработки земли ведут к оскудению почв, что в свою очередь, является причиной нехватки продовольствия и миграций населения. Другая, часто используемая схема основана на понятии о целеполагании. Историческому субъекту (социальной группе, институту, личности) приписывается некий интерес, удовлетворение которого подразумевает достижение определенных целей. Исторические события рассматриваются в рамках этой схемы, как результаты действий исторических субъектов, стремящихся к достижению своих целей. Ясно, что эта схема сочетается с каузальной, действия субъекта рассматриваются как причина события. Легко видеть, что целерациональное конструирование, используемое Вебером, представляет собой разновидность этой схемы. В качестве третьего примера укажем схему, которую можно охарактеризовать как пересечение интересов. В рамках

этой схемы описывается взаимодействие субъектов, имеющих разные интересы, например, конфликты или компромиссы.

Названные здесь схемы приводятся нами только в качестве примера. Мы не претендуем на исчерпывающее изучение исторической методологии. Наверное, существуют и другие способы упрощения и приведения в единство многообразного исторического материала. Однако эти примеры показывают, что и позитивное историческое исследование (т.е. исследование, направленное на установление исторических фактов и не претендующее на широкие теоретические обобщения) также включает идеальное конструирование. Подход, реализуемый при этом историком, не является, конечно, генетически-конструктивным методом в чистом виде, однако, содержит его существенные черты.

Идеальное конструирование и герменевтика

Наша следующая задача будет состоять в том, чтобы выяснить, как в гуманитарном познании осуществляется связь идеальной конструкции и опыта. При этом нам необходимо найти тот специфический опыт, который позволяет исследователю войти в соприкосновение с реальностью. Для естествознания таковым является опыт наблюдения. Ясно, что ни история, ни социальные науки не обращаются к опыту такого рода. Исходным материалом для исследователя являются свидетельства, которые оставляют люди о самих себе. Таковыми являются, в частности, многообразные исторические источники. К ним относятся и тексты, и произведения искусства, и следы материальной культуры. В любом случае речь идет о результатах осмысленной деятельности людей, мотивы и цели которых требуется понять. Необязательно речь должна идти о прошлом. Социолог, исследующий современное ему общество, также опирается на свидетельства людей о себе, выраженные, например, в данных социологических опросов или в голосовании на выборах. В исследование, таким образом, вовлекается искусство истолкования. Конструирование понятий в гуманитарном исследовании должно быть дополнено герменевтикой. Структура герменевтического истолкования при этом во многом схожа со структурой гипотетико-дедуктивного метода в естествознании. Присмотримся к схеме истолкования, неизбежно возникающей в понимании свидетельств и известной как герменевтический круг. В применении к тексту он состоит в том, что для понимания целого необходимо прежде понимать части текста, а для понимания частей, необходимо уже понимать целое. «Размыкание» круга происходит благодаря «предпониманию» т.е. исходному

пониманию целого, предшествующему истолкованию частей. В самом деле, прежде чтения текста уже должно существовать предварительное знание. Только благодаря такому знанию можно решить, что этот текст вообще следует читать. Приступая к его изучению необходимо иметь хотя бы приблизительное представление о его содержании, о его ценности и т.п. По мере чтения возникают новые интерпретации, понимание частей заставляет корректировать исходное понимание целого, а возможно, и радикально его менять. Заметим сразу, что процедура выдвижения и проверки гипотез осуществляется по такой же циклической схеме: гипотезу можно выдвинуть на основании наблюдений, которые, в свою очередь можно произвести, лишь опираясь на какую-то предварительную гипотезу. В противном случае было бы непонятно, что и как наблюдать. С другой стороны, герменевтическое предпонимание также представляет собой своего рода гипотезу, проверяемую в ходе дальнейшего истолкования текста. При этом любое понимание, возникшее даже после тщательного изучения источника, есть лишь интерпретация исследователя, которая может быть отвергнута впоследствии. Иными словами, всякое понимание целого есть гипотеза. Заметим далее, что такая процедура осуществляется не только при истолковании большого текста. След материальной культуры, обнаруженный при раскопках, также интерпретируется, исходя из предварительного знания целого (например, общего представления об исследуемой культуре) и точно так же может изменить это исходное знание. Получается, следовательно, что работа со свидетельствами в гуманитарном знании является одним из оснований для достижения общего понимания реальности, т.е. для установления общих понятий и их логических связей, о которых мы говорили ранее. Так же как и в естествознании два описываемых подхода – герменевтический и генетически-конструктивный – работают совместно, как бы встраиваются друг в друга. Идеальное конструирование, опираясь на истолкование свидетельств, порождает связанные понятийные структуры, которые, в свою очередь, становятся основой для новых истолкований. С другой стороны, эти истолкования служат для верификации и фальсификации возникших в исследовании понятийных структур. Любая схема нуждается в подтверждении источниками и может быть опровергнута в результате их изучения.

Гуманитарная наука и жизненный мир

Описанная нами структура познания включает не только рациональную деятельность. Она, как и познание природы включает, неявное знание и, вместе с ним

широкий спектр разнообразных практик, уходящих далеко за пределы науки. Заметим, прежде всего, что работа со свидетельствами, конечно же, подразумевает владение разнообразными профессиональными навыками, существующими неявно. Эти навыки проявляются и в непосредственном прочтении источников, и в их отборе, и способности находить в них значимые для исследования свидетельства, и в умении устанавливать связи с другими свидетельствами. Речь, следовательно, должна идти как об интерпретации частей, так и о видении целого. И то, и другое во многом осуществляется на неявном, если угодно, интуитивном уровне. Важно, что предпонимание, которое во многом опирается на явные, ранее установленные схемы, в значительной мере имеет также и неявный характер. Здесь мы обнаруживаем нечто, выходящее за пределы профессиональных навыков. Исходные установки интерпретатора сформированы его человеческим опытом, чувством языка, знанием человеческой природы, наконец, ценностями. Все это укоренено в жизненном мире. Опыт жизненного мира определяет, возможно, и самые общие логические схемы. Например, те схемы, которые мы отметили ранее, скорее всего, порождены повседневными представлениями о причинных связях и о целенаправленной деятельности.

Историк или социолог вовлечен в свое исследование не только как профессионал, но и как человек. Существенной чертой такого исследования является то, что и предметом его являются человеческие жизненные практики. Изучая жизнь других людей, исследователь вводит ее в контекст собственной жизни. Впрочем, имеет место и обратное: жизненные практики исследователя погружаются в контекст жизненных практик других людей. Выше мы отмечали, что идеальные конструкции создаются для ясного понимания. Сейчас мы можем уточнить этот тезис: исследование направлено на прояснение жизненного мира. Свои ценности, жизненные установки, языковые навыки и т.д. осмысляются в более широком контексте, проясняется их генезис, их связь с иными ценностями, установками и навыками. Прояснение жизненного мира посредством гуманитарного исследования имеет два важных аспекта. Первый аспект – выявление единства человеческих практик. Этот аспект обнаруживается, например, при рассмотрении генезиса современных исследователю жизненных реалий или при изучении связи этих реалий с другими, существующими ныне. Последнее более свойственно социологическому исследованию. В любом случае, существующие здесь и сейчас жизненные практики включаются в более широкий горизонт, единый для разных практик, прошлых или современных. Но есть и другой

аспект прояснения, как правило, менее заметный. Этот аспект состоит в приобретении опыта другого. Жизненный мир едва ли представляет собой нечто единое. Жизненные практики включают в себя и столкновение с другим, непостижимым в рамках наличного жизненного опыта, контрастирующим с освоенными ценностями и навыками. Гуманитарное исследование может прояснить характер такого столкновения, сделать понятным различие жизненных установок. Так, изучая прошлое, мы не только обнаруживаем свои истоки, видим происхождение собственных жизненных реалий. Мы должны понять прошлое как другое, основанное на таких жизненных установках, которые существенно отличны от наших. При этом мы не только проясняем собственные жизненные установки, но и эксплицируем опыт отношений с другим.

Воздействие идеальных конструкций на жизненный мир. Идеология

Возможны, однако, ситуации, когда идеальные конструкции не только (или не столько) проясняют жизненный мир, но оказывают на него заметное воздействие. Наши дальнейшие усилия будут направлены на рассмотрение таких ситуаций. Для их рассмотрения мы вернемся к веберовскому анализу протестантской этики. Если Вебер прав, то идеальная конструкция, связывающая идею избрания, мирскую аскезу и трудовую этику, создана не его исследовательскими усилиями. Она создана носителями этих идей. Какую же роль играет она в их жизни? Легко видеть, что эта роль двойственна. С одной стороны, эта идеальная конструкция проясняет для приверженцев протестантских учений их собственную жизненную ситуацию. Перед нами весьма точная понятийная фиксация того, во что верили, что переживали эти люди. Верования и переживания составляют существенную часть жизненного мира. Для шестнадцатого и семнадцатого веков они были, пожалуй, фундаментом жизненного мира, определяющим все остальные жизненные практики. Наверняка для значительной части верующих речь должна идти об установках, не подвергнутых рефлексии, о не сформулированных точно надеждах и страхах, живой вере, не оформленной с помощью жестких логических схем. Однако, все эти религиозные переживания и практики, лежащие в основании жизненного мира, проясняются в рамках ясного теологического дискурса. Таким образом, мы имеем дело с попыткой понимания, с прояснением собственного жизненного мира.

Однако, как показывает Вебер, это прояснение ведет к его немедленной трансформации. Мирская аскеза, выведенная благодаря теологической дедукции из

идеи предопределения, является уже практическим принципом, систематически определяющим поступки. Под воздействием этого принципа рождаются новые практики, и меняется жизненный мир. Так, согласно утверждениям Вебера, меняется характер труда, отношения между людьми, формы производства, благосостояние. Иными словами, идеальная конструкция, усвоенная людьми, радикально меняет их жизненные практики.

Попробуем установить некоторые свойства этой идеальной конструкции. Здесь нам потребуется провести одно важное различие. Мы только что установили, что одна и та же система логических связей присутствует и в сознании людей, живших в прошлом, и в сознании (соответственно в работах) исследователя, это сознание реконструировавшего. Однако функционирует эта схема по-разному. Для исследователя она является научной теорией, объясняющей ряд установленных социальных фактов. Но всякая теория гипотетична. Ученый, который ее разрабатывает так или иначе должен признавать, что имеет дело лишь с гипотезой. Сам характер его деятельности предполагает готовность отказаться от этой теории, если он столкнется с достаточными для этого аргументами. Совершенно иначе относятся к этой идеальной конструкции ее носители. Для них она не имеет и тени гипотетичности. Это – выражение их веры, их жизненный принцип. Ее принятие не подразумевает никаких процедур фальсификации. Если возникают аргументы против такой идеальной конструкции, они априори предполагаются ошибочными.

Такое отношение к идеальной конструкции придает ей особый статус. Благодаря ему, она перестает быть теорией, а становится идеологией. Именно идеология, принятая как незыблемое убеждение, обладает существенным потенциалом для переделывания жизненного мира. Этот потенциал во многом определяется отказом от гипотетического характера идеальных построений. Заметим, что гуманитарные науки нередко создают такие идеальные построения. Риск вырождения гуманитарного исследования в идеологию достаточно велик.

Наш пример, в таком случае, может показаться неудачным. Ведь он относится не к гуманитарной науке, а к теологии. В самом деле, теологический дискурс существенно отличен от научного, поскольку основывается на вере, а не на наблюдении и не на анализе источников. Мы не будем в нашей работе заниматься спецификой теологических идеальных конструкций. Пример мы привели лишь для того, чтобы показать упомянутое различие в их субъективном восприятии: одна и та же конструкция может рассматриваться как гипотетическая или как принципиально

безошибочная. Заметим, впрочем, что последнее вовсе не обязательно для теологии. Ее источниками являются живой опыт веры и Священное Писание. Отсылка к ним вполне может служить основанием для опровержения богословских логических построений. Практика средневековых теологических диспутов дает множество таких примеров. Превращение протестантской этики в идеологию обусловлено не ее религиозным истоком, а именно особым субъективным актом, отказом признавать гипотетический характер ее положений.

Если же вернуться к гуманитарной науке, то можно заметить, что идеологией часто становятся универсальные историософские обобщения. Упомянутые нами примеры идеальных конструкций, в той или иной мере, постигла такая судьба. Причины, на мой взгляд, нужно искать не в их внутренней логической структуре или специфике их истоков, а в том же субъективном акте, совершенном либо авторами, либо их адептами.

Феномен идеологии, впрочем, требует более внимательного рассмотрения. Ему мы посвятим заключительную часть работы. В нашем рассмотрении мы будем исходить из установленного только что свойства: идеология базируется на идеальных конструкциях, которые не признаются гипотетическими

Обратим внимание, прежде всего, на то, как это свойство обуславливает способность идеологии воздействовать на жизненный мир. Гипотетический характер научного положения определяется тем, что можно назвать «столкновением с реальностью». Однако, это столкновение, как мы видели, всегда опосредовано особой практикой: практикой наблюдения в естествознании или практикой интерпретации источников в гуманитарных науках. Но эти практики, как мы видели, невозможно отделить от практик жизненного мира. Эти последние неизбежно входят в структуру реальности, с которой сопоставляется идеальная конструкция. Если речь идет о гуманитарном знании, то они и составляют эту реальность. Несоответствие идеальной конструкции жизненным практикам означает лишь то, что последние должны быть изменены, поскольку первая меняться не может. Обратимся еще раз к веберовскому примеру: если жизнь христианина не соответствует понятию об избранности, она должна быть приведена в соответствие с этим понятием с помощью мирской аскезы. Впрочем, трансформация жизни по идеологическим стандартам часто происходит по более сложной схеме. Приведем еще один пример. Существует целый ряд идеологий, представляющих мир как арену борьбы нескольких (чаще всего, двух) сил: угнетаемых и угнетателей, арийской и семитской расы, сторонников прогресса и ретроградов и т.п.

Такая конструкция сама по себе предполагает радикальную трансформацию, связанную с победой одной из этих сил. Однако такая трансформация неизбежно предполагает другую. Всем разнообразным социальным, этническим, религиозным и пр. группам, равно, как и отдельным индивидам, разделяющим самые разные жизненные установки и осуществляющим различные практики, приписывается совершенно определенная роль, соответствующая их месту в идеальной конструкции. Это навязывание ролей происходит не только в сознании идеолога, но и в социальной практике. Сообразно идеальному распределению ролей может производиться самый широкий спектр изменений в реальной жизни, включающий создание социальных или политических институтов, разработку законов, и даже откровенные репрессии. Итогом вполне может оказаться такое положение дел, когда человеческая жизнь и в самом деле примет контуры, прописанные идеологией.

Напомним, что это только примеры воздействия идеологии на жизненный мир. Приведенные примеры, в известном смысле, избыточны, поскольку показывают весьма масштабные трансформации, захватывающие не только жизненный мир, но и структуру общества в целом. Однако кажется вполне естественным, что идеальная конструкция, принятая как непреложная истина, заставляет человека менять свои жизненные установки и, таким образом, приводит к изменениям в его жизненном мире. То, что мы рассмотрели, на примере макроструктур, может происходить и в небольших сообществах, объединенных общими идейными установками. Воздействие идеологии на жизненный мир, однако, к этому не сводится. Существуют более тонкие, хотя достаточно эффективные механизмы воздействия, которые связаны с влиянием идеологии на язык. Эти воздействия мы рассмотрим чуть ниже.

Сейчас нам нужно прояснить некоторые сделанные ранее утверждения. Мы говорили, что идеальная конструкция превращается в идеологию не из-за ее собственных свойств, а в результате особого субъективного акта, отказа признавать ее гипотетический статус. Чтобы лучше это понять, нужно вспомнить особенности идеального конструирования, которые мы, ссылаясь на Лакатоса, уже отмечали в начале нашей работы. Рассмотрим эти особенности более подробно. Как известно, Карл Поппер полагал, что особым свойством научных теорий является их фальсифицируемость. Он видел в этом специфику их логической структуры. Если наблюдение противоречит прогнозу, сделанному на основании теории, то теория ложна. Это простой логический факт, устанавливаемый посредством *modus tollens*.

Если бы Поппер был прав, мы имели бы объективный критерий, позволяющий отличить научную теорию от идеологии. Идеология не доступна для фальсификации, поскольку не делает проверяемых прогнозов. Это означало бы, что научная теория, в силу своей логической структуры представляет собой проверяемую гипотезу, идеология же принципиально не проверяема. Однако, как показал Лакатос, мы не располагаем столь прозрачным критерием. Любой контрпример, опровергающий научную теорию, может быть проигнорирован, если найти удачную *ad hoc* гипотезу, согласующуюся с рассматриваемой теорией и объясняющую неудобное для нее наблюдение. Например, можно сослаться на ошибку наблюдения. Из сказанного следует, что любая идеальная конструкция неопровержима.

Именно поэтому, признание гипотетического статуса идеальной конструкции есть субъективный акт. Этот акт, по-видимому, может также основываться на рациональных доводах, хотя может быть и иррациональным личностным выбором. Сейчас мы не будем углубляться в эту проблему. Заметим лишь, что всегда есть возможность принять некую идеальную конструкцию как совершенную истину. Идеологией такая идеальная конструкция становится тогда, когда находится сообщество, разделяющее ее. Идеология оказывается привлекательна по многим причинам. Нас здесь не интересуют психологические и социальные факторы, хотя они безусловно важны. Отметим лишь одно обстоятельство, вытекающее из логических свойств идеальной конструкции, превращенной в идеологию. Она всегда очень убедительна. Будучи избавлена от фальсификации, она приобретает неограниченные возможности джастификации. С помощью идеологии можно объяснить любое явление в той предметной области, на которую она распространяется. Какое наблюдение мы бы ни сделали, его всегда можно проинтерпретировать как ее подтверждение.

Обладая такой объяснительной силой, идеология успешно решает ту задачу, ради которой создаются идеальные конструкции, задачу упрощения наблюдаемого многообразия и понимания наблюдаемых событий. Эту же задачу решает и научная идеализация, однако идеология справляется с ней гораздо эффективней. Наука, работающая с гипотезами, всегда оставляет ту или иную степень неопределенности. Гипотетическая идеальная конструкция, как мы видели, неточна, поскольку пытается прояснить целое, на основании частных наблюдений. Она оставляет возможность исправления или опровержения после того, как появятся новые наблюдения. Идеология же не допускает альтернатив. Ее носитель точно знает, что новое наблюдение лишь подтвердит исходную идеальную конструкцию. Это значит, что идеология не просто

проясняет, а раскрывает самую суть наблюдаемых явлений. Любые объяснения, основанные на альтернативных идеальных построениях, оказываются в лучшем случае поверхностными или частичными. Идеология позволяет увидеть все в «истинном свете», понять, что оно есть «на самом деле». Например, веберовское описание капитализма, основывающееся на схеме целерационального действия и религиозных убеждениях определенных групп, будет расценено марксистом, как поверхностное, не содержащее подлинного понимания. Такое понимание должна быть достигнуто в рамках иной идеальной конструкции, в которой человеческие действия выводятся из их экономических интересов, а они, в свою очередь, из состояния производительных сил. Оба этих объяснения, однако, будут найдены неточными и поверхностными, с точки зрения протестантского идеолога. Он будет искать ясности, пытаясь описать действия Бога в истории, в результате которых некоторые люди предопределены к спасению.

Идеологическая работа с языком

Опишем, наконец, специфическую работу с языком, производимую идеологией. Эта работа имеет два аспекта. Во-первых, идеология порождает свой собственный словарь, необходимый для выражения ее идеальных построений. Постигание сущности, на которое претендует идеология, требует описание всех явлений (принадлежащих к предметной области идеологии) в терминах этого словаря. Распространение идеологического словаря может заметно повлиять на языковые практики сообщества. Одна из характерных идеологических практик – разоблачение, или называние всего «своими именами». Эта языковая практика полностью вытекает из претензии на раскрытие сущности, о которой мы говорили только что. Явление понято, когда описано в соответствующих терминах. Описание его в других терминах характеризуется, как попытка скрыть его истинную сущность. Так, рассмотрение моральных или правовых систем с позиций общечеловеческих ценностей будет расценена марксистским идеологом, как камуфляж. Он будет приписывать как этим системам и ценностям классовый характер и настаивать, что они должны быть описаны в терминах классового интереса, производственных отношений, форм собственности и т.п. Клерикальный идеолог найдет для этих институтов совершенно иные описания. Важно то, что действуя подобным образом, идеология вторгается в жизненный мир человека, трансформируя его язык, вовлекая сообщество в определенный круг языковых игр.

Работа с языком, однако, этим не ограничивается. У нее есть другой аспект, который можно охарактеризовать как переопределение слов естественного языка. Идеология не только вводит в употребление новые термины, но и задает новые смыслы уже существующим языковым выражениям. Это случается, когда такое языковое выражение используется как идеологический термин. Ему приписывается новое значение, сконструированное в рамках идеологической схемы. Все прочие значения, возникшие либо в ходе естественного употребления, либо в иных идеальных конструкциях, объявляются неточными или просто ложными. Такая работа с языком оказывается довольно тонкой, поскольку языковые выражения приобретают в результате двойное значение. Будучи нагружены идеологическим содержанием, они не теряют своего традиционного смысла. Естественный язык имеет собственную силу и в привычные смыслы, продолжают работать в языковых практиках. Два рода смыслов сосуществуют при употреблении обычных слов, ангажированных идеологией. Из этого сосуществования идеология извлекает неожиданную выгоду. Она проносит свое содержание как бы контрабандой, под прикрытием привычных смыслов. Интересно, что камуфлируя это содержания, идеология как будто не прибегает к обману. Это своего рода честный камуфляж. Идеолог всегда готов объяснить, что именно он имеет в виду, употребляя то или иное выражение, т.е. предъявить соответствующую идеальную конструкцию. Однако такие разъяснения невозможно требовать постоянно. Привычные слова, сохраняя привычное воздействие на людей, помогают идеологии воздействовать на жизненные практики, причем не только языковые. Эффективность воздействия чаще всего обусловлена тем, что переопределению подвергаются слова, традиционно ценностно нагруженные, такие, как «свобода», «справедливость», «мир», «любовь», «счастье». Узкий идеологический смысл, конструируемый с помощью соответствующих схем, может оказаться чуть ли не противоположным прежнему. Однако обаяние, которое переопределяемое слово сохраняет, благодаря привычному употреблению, заставляет принять и идеологическое содержание. Например, свобода в рамках идеологической конструкции может означать подчинение жестким предписаниям власти, исполнение воли вождей. Идеолог всегда может доказать, что лишь жизнь в таком абсолютном повиновении и означает настоящую свободу. Нежелание повиноваться будет означать рабство: например, рабство греху для клерикальной идеологии или рабство капиталу для идеологии марксистской. Многие люди готовы откликнуться на призыв покончить с рабством и стать свободными, не

выясняя в деталях насколько идеологическое представление о свободе и рабстве совпадает с их собственным.

Литература

1. *Вебер М.*, Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 61-272.
2. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
3. *Смирнов В.А.* Генетический метод построения научной теории. //Логико-философские труды В.А. Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 417-437.

Степин В.С. Теоретическое знание

ⁱ Заметим, впрочем, что едва ли существует абсолютный критерий, позволяющий решить, удачна или неудачна очередная экстраполяция. Как правило, суждение такого рода оказывается субъективным вердиктом научного сообщества. Ниже мы вернемся к этой проблеме. Пока, в подтверждение этого замечания сошлемся на критику И. Лакатосом теории фальсификации. См. гл. 2 его книги [2]